

ЭКОНОМИКА КОРРУПЦИИ

Хотя изучение коррупции традиционно считается задачей политологии, социологии и права, в 60-е годы в связи с исследованием проблем экономического развития внимание ученых начали привлекать и экономические аспекты этого феномена.

Основоположителем экономического подхода к исследованию коррупции в рамках этого направления можно считать Г.Мюрдаля, затронувшего эту проблему при анализе экономического развития получивших независимость стран Южной Азии. Он пишет, что проблема коррупции приобрела в этом регионе особое значение в силу того, что в основе любого политического режима лежали "нечестное поведение политических деятелей и бюрократов и широкое распространение незаконных сделок среди бизнесменов и населения" (13, с.937).

По его же собственному мнению, Мюрдаль сделал лишь предварительный анализ проблемы коррупции и ввел ряд понятий и терминов, получивших распространение в будущем. К числу таких понятий относятся: "фольклор коррупции" и правительственные "антикоррупционные кампании". «Фольклор коррупции» означает уверенность людей в существовании этого феномена и выражает их отношение к нему. Возникновение "фольклора коррупции" связано, с одной стороны, с фактическим запретом научных исследований коррупции в странах региона в значительной степени в силу существования общей тенденции к игнорированию проблем, не соответствующих общепринятому подходу, с другой - с широким обсуждением коррупции в прессе и представителями высших политических кругов на неофициальном уровне. В то же время во всех странах периодически проводились кампании, направленные против коррупции: принимались антикоррупционные законы, создавались специальные подразделения полиции для борьбы с ней и т.д. Таким образом, эти два явления свидетельствуют о наличии коррупции и необходимости ее исследования.

В основе коррупции, по мнению автора, лежит предоставление чиновникам дискреционной власти, т.е. права самостоятельно принимать

решения. При этом он указывал, что при анализе коррупции следует учитывать, что взятки обычно передаются посредниками (чиновниками низшего ранга), распространение взяточничества среди которых является результатом снижения морального уровня высших чиновников и политических деятелей. Коррупция, таким образом, является одновременно причиной и следствием нечестного поведения широких слоев населения. Особенно активен в поддержании коррупции деловой мир. В целом, пишет Дж.Мюрдаль, "традиционная практика взяточничества и нечестного поведения ведет к тому, что авторитарный режим, начавший активную борьбу с ней, может вызвать поддержку широкий слоев населения" (13, с.938).

Параллельно с исследованиями коррупции в рамках теории развития начинаются ее исследования в рамках теории рационального поведения, т.е. на микроэкономическом уровне. Работы Г.Таллока и А.Даунса положили начало изучению бюрократического поведения, первая модель которого была разработана У.Нисканеном в 1971 г. В его модели целевые функции бюрократов были непосредственно определены интересами организации, в которой они работали, однако не предполагали строгого соответствия государственным целям и государственной политике.

Большинство аналитических исследований коррупции 70-х годов основывалось на ситуационном подходе, т.е. в них рассматривались ситуации, в которых совершались коррупционные действия. Преобладающая часть предлагавшихся для этого экономических моделей изучала поведение бюрократов низшего ранга методом затрат и выгод, получение взятки чаще всего связывалось с наличием очереди среди претендентов на получение каких-либо льгот.

В моделях, описывающих поведение чиновников более высокого ранга, бюрократ вел себя сложнее: он учитывал влияние взятки не только на свое личное положение, но и на всю представляемую им организацию (например, повышение или снижение уровня ее активности), а когда речь шла о политическом деятеле, то и оценивая последствия взятки с точки зрения собственного политического выживания.

Преимуществом ситуационного подхода является относительная легкость построения реалистичных и детализированных моделей, а недостатком - отсутствие возможности обобщения многообразных ситуаций.

Методологической базой этих моделей служила неолиберальная экономическая теория, представители которой внесли наиболее заметный вклад в исследование экономики коррупции. В основе их подхода лежат такие категории, как рациональность человеческого поведения и отношения государства и рынка. В зависимости от принимаемой тем или иным автором концепции рынка и природы рациональности поведения индивида неолибералы строят модели коррупции, либо опираясь на гипотезы чистой и совершенной конкуренции, рациональности поведения индивидов и отсутствия вмешательства государства (стандартная неолиберальная теория), либо - на предположения о несовершенстве рынков и ограниченной рациональности поведения (расширенная стандартная теория). Некоторые исследователи анализируют “нерыночные” формы организации коррупции.

В предлагаемых неолибералами в качестве базы для исследования теориях (поручения, прав собственности, поиска ренты) коррупция рассматривается с позиций общепринятой теории спроса и предложения, предполагающей, что спрос и предложение коррупции регулируются ценовым механизмом. Такой подход позволяет выявить экономические условия, способствующие коррупции; объяснить переход от возможности акта коррупции к коррупционному действию; формирование и изменение цены коррупционной сделки; определить размер средств, необходимых для профилактики и борьбы с коррупцией (6, с. 26).

Согласно *теории поручения*, описывающей отношения принципала и агента, отношения политика с избирателями-налогоплательщиками строятся на тех же принципах, что и отношения менеджера с акционерами: акционеры делегируют свои полномочия менеджеру, который обладает монополией на принятие решений и информацию, что открывает возможности для всяческих злоупотреблений. Опираясь на эту теорию, Э.К.Бэнфилд с помощью анализа затраты/выгоды выявил переменные, определяющие уровень коррупции и средства ее устранения. Говоря об условиях возникновения коррупции, Э.К.Бэнфилд отмечает, что она становится возможной при наличии трех типов экономических агентов: уполномоченного (агента), уполномачивающего (принципала) и третьего лица, доходы и потери которого зависят от уполномоченного. “Агент подвержен коррупции в той мере, в какой он может скрыть коррупцию от принципала. Он становится

коррупцированным, когда приносит интересы принципала в жертву собственным, нарушая при этом закон” (8, с. 149).

Таким образом, одним из условий коррупции является наличие противоречий между интересами принципала и агента (6, с. 27). Однако одного этого условия для возникновения коррупции недостаточно, так как, если действия агентов полностью контролируются, предательство интересов принципала с их стороны невозможно. Дополнительными и необходимыми для развития коррупции условиями, являются информационная асимметрия и невозможность отслеживать все действия агента из-за дороговизны контроля. Кроме того, коррупции и, частично, расцвету подпольных, непрозрачных по определению видов деятельности (торговля наркотиками и контрабанда), способствует рост нематериальных видов деятельности, плохо поддающихся денежной оценке (7, с. 595).

Э.К.Бэнфилд предлагает минимизировать коррупцию с помощью таких мер, как: побуждение агентов к лояльности за счет повышения их заработной платы до уровня, сравнимого с уровнем доходов, получаемых нелегальными методами; ужесточение наказания (усиление санкций, потеря всех приобретенных агентом социальных льгот); усиление контроля за деятельностью агентов путем систематических аудиторских проверок.

Однако поскольку любая государственная политика борьбы с коррупцией требует расходов, а бюджетные средства ограничены, необходимо сопоставить затраты, связанные с осуществлением борьбы с коррупцией, и выигрыш, получаемый обществом. Для этого из условия равенства предельных издержек на борьбу с коррупцией и полученных предельных выгод определяется оптимальный уровень коррупции. Э.К.Бэнфилд приходит к выводу, что стоимость поручения, т.е. цена политики контроля, побуждения и санкций, в государственном секторе значительно выше, чем в частном.

Он объясняет это тем, что единственной, а потому ясной и легко поддающейся контролю целью частного предприятия является максимизация прибыли. Служащий, предложение или спрос на коррупцию которого, способствуют результативности деятельности предприятия, совершает коррупционную сделку, по Бэнфилду, в рамках здравого смысла, поэтому коррупция на частном предприятии в этом случае терпима (7, с. 596-597). В то же время Э.К.Бэнфилд подчеркивает, что в отличие от частных компаний цели "государственных организаций"

расплывчаты и антагонистичны. Поскольку никаких имманентных и природных правил, определяющих поведение функционеров, не существует, администрация "государственных организаций" может рассчитывать лишь на моральность своих членов. Поэтому, по мнению Э.К.Бэнфилда, "каждое расширение государственной власти создает новые возможности и побуждения к коррупции" (7, с. 597).

Однако некоторые исследователи считают такой подход к функционированию организаций и индивидуальному поведению служащих слишком упрощенным. Изучение коррупции в частном секторе (шпионаж, ложные счета, трюки с политикой найма) показывает, что незаконное индивидуальное поведение одних создает внешние эффекты у других экономических агентов (работников, фирм, государства). Более того, определение фирм как максимизирующих прибыль субъектов, имеющих право предпринимать любые, в том числе и незаконные действия, для сохранения или повышения прибыли, превращает их в аморальные и безответственные по отношению к обществу образования. Вызывает также сомнение утверждение Э.К.Бэнфилда о наличии корреляции между расширением правительственной деятельности и коррупцией, поскольку коррупция имеет место в совершенно различных по своим характеристикам государствах (7, с. 597).

Кроме того, как показывает практика, замена государства рынком часто ведет к нежелательным последствиям. Поэтому на практике ограничение роли государства может ускорить процесс делегитимизации власти и усилить социальный хаос. Косвенные издержки отказа государства от ответственности могут причинить больший вред чиновникам и нормализации социальных отношений, чем представляют неолибералы.

Получившая развитие в 60-е годы *теория прав собственности* трактует последние как кодифицированные отношения между индивидами, регулирующие использование материальных и нематериальных объектов. Наличие таких правил позволяет индивидам заранее определить последствия различных операций с принадлежащей им собственностью. Основная идея этой теории состоит в том, что структура прав собственности играет ключевую роль в обеспечении экономической эффективности и прогресса. Она проясняет индивидуальные права пользования, дарения, продажи собственности и т.д. и механизмы взаимовлияния прав одних участников рынка на права других, а также изучает процесс деградации прав собственности под

влиянием законных принуждений или запретительного контроля, связанного с асимметрией информации. Согласно этой теории права собственности эффективны, только если они отвечают двум условиям: являются исключительными (возможность отстранить всех других агентов от их использования) и передаваемыми (их использование не обусловлено согласием других агентов).

Сторонник этой теории Л.Тилман определяет коррупцию как “черный бюрократический рынок”, Б.Бэнсон и Дж.Бадэн утверждают, что “коррупция представляет собой черный рынок прав собственности, право произвольно распределять которые предоставлено чиновникам” (8, с.149-150). Следовательно, коррупция является нелегальным и гибким средством перераспределения или присвоения прав собственности на основе отношения поручения, поскольку коррумпированный агент продает права, которыми он фактически, но незаконно владеет, предавая при этом интересы принципала. В рамках этого подхода политика распределения и перераспределения равнозначна передаче прав собственности, что создает для экономических агентов сильные стимулы для ее модификации.

Согласно теории прав собственности общественная собственность “менее качественна” по сравнению с частной, поскольку права на нее не являются ни исключительными, ни передаваемыми. Но чем более ослабленными являются права собственности, как это имеет место в крупных фирмах и администрациях, тем больше возможностей для коррупции. Действительно, заставить уважать других свои права в условиях делегирования полномочий можно, только затратив определенные средства, размер которых выше, чем при отсутствии иерархической структуры. Наряду с этим, каждый индивид должен нести определенные расходы на повышение качества информации, снижения ее асимметрии и возможностей злоупотреблений для увеличения эффективности своих прав. В этих условиях возрастает значение контроля за махинациями агентов, пагубные экономические последствия которых в общественном секторе гораздо ощутимее, чем в частном, т.к. именно государство является преимущественным носителем дискреционной власти. В то же время относительная величина транзакционных издержек, связанных с общественной природой прав собственности, и ограниченность механизмов контроля (выборы) со стороны граждан - держателей прав собственности на продукт любой деятельности администрации - расширяет возможности коррупции.

Однако, поскольку теория прав собственности не затрагивает вопрос об их происхождении, процедурах распределения и перераспределения, она не объясняет многие явления, происходящие в обществах с переходной экономикой, где неравенство в распределения прав собственности может привести к нелояльности экономических агентов, принимающей форму коррупции.

Сторонники *теории общественного выбора* строят модель коррупционного рынка, опираясь на теории поиска ренты (rent-seeking) и поручения, и рассматривают коррупцию как особую форму ренты. Они объясняют индивидуальные неблагоприятные действия стремлением индивида к достижению единственной цели - максимизации благосостояния в мире ограниченных ресурсов. При этом ни моральные соображения, ни общественное давление не оказывают никакого влияния на его поведение, а единственным сдерживающим фактором является страх наказания (7, с. 594-595).

Прямое (государственный заказ) или косвенное (регламентации, тарифы, квоты) вмешательство государства в экономику превращает его в предпочтительного контрагента искателей ренты. Как при законном (лоббирование), так и при незаконном (коррупция) поиске ренты, ресурсы, которые могли бы быть направлены на производительную деятельность, включаются в конкуренцию, направленную на их перераспределение.

Теория поиска ренты объясняет каким образом экономические агенты конкурируют между собой за овладение искусственно создаваемыми государством трансфертами (квоты, административно устанавливаемые цены, протекционистские меры, законодательство). Она включает элементы как нормативной, так и позитивной экономики. Нормативные исследования направлены на определение стоимости трансфертов и воздействия на нее конкуренции между агентами коррумпированного рынка. При этом в условиях чистой и совершенной конкуренции, господствующей на нелегальном рынке, конкурентная рента исчезает; наоборот, "неконкурентные ситуации поиска ренты" создают возможности для ее индивидуального присвоения. Позитивные исследования направлены на обнаружение источника ренты и защищаемых секторов. Основное внимание в них уделяется отношениям между политическим и экономическим рынками через группы давления.

Источником социальных потерь от лоббирования и коррупции являются издержки на осуществление сделки (вознаграждение лоббистам,

трата времени и средств на реализацию сделки), а также ее последствия (амбициозные проекты, недостаточное или чрезмерное количество импортных лицензий по отношению к емкости рынка и т.д.) (8, с. 152).

Так же как и сторонники других неолиберальных теорий приверженцы теории общественного выбора считают, что бороться с коррупцией в частном секторе гораздо проще, чем в общественном, аргументируя это тем, что из-за противоречивости целей администрацию легче превратить в объект манипулирования лоббистов и коррупционеров.

Дж.Бьюкенен (4), используя теорию поиска ренты в исследовании коррупции в условиях государства всеобщего благосостояния, показал, что последнее создает благоприятные условия для ее развития. Для него характерно выходящее за разумные пределы сверхраспространение трансфертов и поддерживающих их налогов и потенциальная растрата экономических ресурсов, вызванная стремлением их получить. Сверхраспространение трансфертов возникает в результате стремления политиков удовлетворить потребности электората и поддерживается активностью лидеров групп их потенциальных получателей, пытающихся не только обеспечить трансфертами членов существующих групп, но и создать новые группы.

Активность лиц, стремящихся к получению трансфертов, сопряжена с затратой их времени и экономических ресурсов. Если источник ренты находится внутри политического сектора (за пределами рыночного), то «ищущие ренту» инвестируют ресурсы в этот сектор. Рост активности, связанной с получением государственных трансфертов, приводит к чистой растрате ресурсов. Время и усилия, затраченные на то, чтобы убедить бюрократов оказать поддержку той или иной программе, могут быть социально вредны, если они наталкиваются на противоположные усилия, направленные на сохранение дефицитных ресурсов.

Один из сторонников теории общественного выбора Дж.Беккер (3), рассматривающий общество как континуум рынков, анализирует любой осуществляемый на рынке выбор, который определяется расчетом по методу затрат и выгод. Исходя из того, что экономика коррупции изучает ситуацию, при которой ограниченность ресурса толкает индивида на коррупционное поведение, Беккер применяет эконометрические методы для исследования генезиса коррупционного поведения как формы

криминального поведения и эффективности наказания как средства предупреждения преступления.

Принцип максимизации полезности заставляет коррупционера и коррумпированного предварительно просчитывать выгоды и издержки (размер санкций, уравновешенный риском быть пойманным). Стоимость санкций оценивается потерей выгод, обусловленной пребыванием в тюрьме и/или размером штрафа. Поэтому государственные власти в первую очередь должны определить воздействие рынка коррупции на общее равновесие и выяснить отношение граждан-потребителей к этому феномену. Затем, если этого требует обеспечение социального благополучия, необходимо с наименьшими издержками разработать регламентарные меры, направленные на усиление риска ареста за коррупцию, и ужесточить возможные санкции. Рост издержек приводит к увеличению цены предложения коррупции, т.е. цены, по которой чиновник согласится на совершение незаконной сделки. Наоборот, коррупционер пойдет на сделку только при более низкой цене. Следовательно, точка равновесия между спросом и предложением коррупции по этой цене опустится. Цена коррупционной сделки является гибкой, так как в ней постоянно учитываются новые данные о риске и возможных санкциях. Однако издержки вмешательства государства влекут за собой изъятия из индивидуального потребления в виде налогов и оправданы только в том случае, если конечный результат социально оправдан (оптимум Парето). Таким образом, Дж.Беккер объясняет процесс формирования спроса и предложения в рамках коррупционного обмена под угрозой санкций.

Дж.Шэклтон (Политехническая школа, Лондон) также рассматривающий коррупцию как один из видов экономического поведения, определяет ее, как “обмен влияния государственных чиновников, распоряжающихся предоставлением ограниченных ресурсов, на денежное или другое вознаграждение” (17, с.27). При этом само это влияние становится экономическим ресурсом.

Анализируя факторы, влияющие на его предложение, Дж.Шэклтон пишет, что решения предпринимателя дать взятку и чиновника принять ее качественно не отличаются от решений, связанных с легитимной деятельностью, и принимаются на основе рациональных расчетов затрат и выгод от различных действий.

Коррупционные действия влекут за собой расходы, связанные с возможным осуждением, а также “моральные издержки вовлеченности в

преступление”, вызываемые ощущением вины, и “моральные издержки”, связанные с самим осуждением. Их величина зависит от условий жизни, воспитания и среды, в которой чиновник работает. При осуждении государственного чиновника за коррупцию возникают расходы, обусловленные самим наказанием (размер штрафа, а при заключении в тюрьму - величина потерянной заработной платы плюс бесполезность жизни в тюрьме). При потере рабочего места расходы выражаются разницей между доходами чиновника, остающегося на своем посту, и доходами, которые он получит в другом месте, плюс потеря привилегий (например, меньшая пенсия). Большое влияние на отдельных чиновников могут оказывать “моральные издержки”, связанные с осуждением (потеря статуса, друзей, распад семьи и др.). Если нарушитель не выявлен, эти издержки не реализуются. Рациональное принятие решения предполагает, что чиновник стремится сопоставить потенциальные расходы, обусловленные коррупционным поведением, с вероятностью их возникновения. Оценка этой вероятности носит субъективный характер и значительно колеблется в зависимости от положения чиновника и имеющейся у него информации.

Выгода от коррупции выражается в полученных денежных суммах и других привилегиях. У коррупции могут быть и “моральные выгоды”, определяемые групповой этикой берущих взятки (приобщенность к привилегированной группе). Таким образом, если ожидаемая выгода превышает потенциальные расходы, чиновник готов предложить коррупционное влияние.

Факторами, влияющими на спрос на коррупцию, являются: степень государственного вмешательства в функционирование рынка; существование альтернатив продукту, предложение которого государство пытается регулировать; отношение людей к предложению взятки и вероятность наказания.

“Спрос на коррупционное влияние является по существу “производным спросом”: дискреционная власть оказывается полезной только в том случае, если она обеспечивает доступ к чему-либо, влияющему на цены” (17, с. 32), т.е. цена коррупционной сделки зависит от факторов, влияющих на спрос на производимый продукт. Продукты, спрос на которые имеет относительно низкую эластичность по цене (жилье, основные продукты питания в экономически неразвитых странах), при том, что предложение и цены на них регулируются государством, а также наркотики создают благоприятные возможности

для коррупции, поскольку даже небольшие изменения в предложении означают значительные изменения в равновесной цене. Одним из факторов, влияющих на эластичность спроса, является наличие альтернатив. Поскольку во многих развивающихся странах число рабочих мест ограничено, для получения должности в государственном секторе часто приходится платить взятку (потенциальный покупатель не имеет альтернатив). Спрос на коррупционную сделку также включает “моральные издержки”, заключающиеся в необходимости давать взятку для лица, в принципе не согласного с системой взяточничества. Наконец, как на спрос, так и на предложение коррупции влияют этические стандарты.

Модель принятия решения для агента, решившего дать взятку, выглядит следующим образом. Расходы, связанные с коррупционной сделкой, состоят из передаваемой денежной суммы плюс ожидаемые расходы, связанные с наказанием, включая расходы, обусловленные заключением в тюрьму. Вероятность наказания для дающего взятку существенно выше, чем для чиновника, берущего взятку, так как доказать виновность последнего труднее.

Выгоды взяточдателя от коррупционной сделки определяются величиной ожидаемых привилегий, а выгоды чиновника - суммой, которую первый готов заплатить за предоставление привилегий, уравновешенной вероятностью избежания наказания.

Предложенная модель, по словам самого Дж.Шэклтона, создает реалистичную основу для анализа коррупции, позволяя рассматривать ее не как случайную акцию, когда морально неустойчивые государственные чиновники уступают соблазну обогащения, а учитывать экономические и социальные обстоятельства, формирующие благоприятные условия для коррупционной сделки. (17, с.34). Из этого следует, что коррупция может быть распространена более широко, чем предполагают власти. Увеличивающееся число законодательных актов, декретирующих вмешательство государственных органов в функционирование рынка, рост производственной концентрации, относительное снижение доходов членов парламента и руководителей полиции в сочетании со снижением престижа этих должностей в общественном мнении являются факторами, стимулирующими спрос на коррупционные сделки и соответствующий рост предложения.

Принято считать, что для снижения уровня коррупции достаточно ужесточения наказания для осужденных, введения более

строгих норм поведения и поощрения стремления к моральному возрождению. Однако Дж.Шэклтон полагает, что, хотя эти меры могут оказать положительное влияние на снижение уровня коррупции, более эффективно ограничение коррупционного поведения путем поощрения некоррупционных действий; повышение легальных доходов (зарботной платы, пенсий, различных привилегий) членов парламента, сотрудников полиции и государственных служащих, увеличивающих потери, связанные с осуждением. Из анализа Дж.Шэклтона также следует, что рост раскрываемости коррупционных действий повышает вероятность осуждения и снижает уровень коррупции.

Автор считает, что пока государство в той или иной форме регулирует жизнь общества, оно вынуждено мириться с определенным уровнем коррупции. Однако существуют методы ее ограничения, например, использование ценового механизма вместо системы очередей при распределении ограниченных ресурсов. В некоторых случаях, когда выгоды, от государственного регулирования оказываются меньше расходов на его осуществление (включая расходы на борьбу с коррупцией), целесообразно ограничить государственное вмешательство, в частности, ограничить дискреционную власть государственных чиновников. Это, по мнению автора, является основным способом борьбы с коррупцией. Дж.Шэклтон считает необходимым внести изменения в законы, исключаяющие их различную трактовку. Например, при предоставлении лицензии на какой-либо род деятельности максимально четко определять критерии ее выдачи. Эти меры требуют дополнительных затрат, но без них невозможна борьба с коррупцией.

Наиболее полная попытка использования микроэкономического подхода для изучения коррупции (прежде всего теорий поручения, политического рынка, экономики преступления) представлена в работах С.Роуз-Аккерман (Йельская школа права, США).

Она анализирует поведение бюрократов, исходя из того, что в демократическом обществе законодатели являются агентами избирателей, руководители организаций - агентами законодателей, бюрократы - агентами руководителей организаций, и проводит аналогию между ситуацией в политических и государственных организациях и частных фирмах. "Высший" агент (принципал) определяет набор предпочтений, обеспечивающих достижение желаемых результатов, поручая выполнение необходимых для этого действий "низшему" агенту. Поскольку контроль за выполнением поручений является дорогостоящим,

а низшие агенты имеют возможность в первую очередь удовлетворять свои интересы, а затем уже интересы принципала, возникает вероятность появления третьего лица, могущего получить выгоду от действий низшего агента в результате предложения ему денежного вознаграждения (взятки), которым тот не будет делиться с принципалом.

С.Роуз-Аккерман подчеркивает игнорируемое многими социологами сходство между легитимными и нелегитимными денежными платежами, дающее возможность превращать взятку в платежи путем некоторых изменений в законе. Однако этот проект, который Ж.Картье-Брессон (Университет Париж-ХП) называет “формализацией неформального” (7, с. 600), по словам самой С.Роуз-Аккерман, порождает многочисленные проблемы, особенно в условиях смешанной экономики. Государственные рынки даже при наличии легальных и административно устанавливаемых цен могут характеризоваться небольшим количеством продавцов и покупателей, высокой степенью дифференциации продуктов, наличием барьеров для вхождения на рынок, большой ролью внешних факторов. Кроме того, применение легальных цен не всегда справедливо с социальной точки зрения (продажа квартир по рыночным ценам). Но даже если легализация нелегальных платежей увенчается успехом, ничто не свидетельствует о том, что это приведет к систематическому улучшению состояния всей экономики.

Автор считает, что коррупция всегда менее эффективна, чем легитимные действия, а система, считающая существование коррупции в некоторых областях “экономически оправданной”, сталкивается с немедленным ее распространением на все составляющие государственной структуры. Поэтому, считает автор, даже несовершенная и несправедливая система рыночных цен, с точки зрения размещения ресурсов и распределения, предпочтительнее, чем действия коррумпированного административного механизма (15, с. 8).

С.Роуз-Аккерман подразделяет коррупцию на политическую, связанную с процессом принятия законов, и административную, обусловленную их применением.

Источником политической коррупции, распространяющейся в выборных структурах среди высших чиновников и политических руководителей, являются крупные государственные программы или представление и поддержка законов в законодательных органах. Стимулы для политической коррупции в современном демократическом обществе возникают в результате сочетания предпочтений граждан,

представителей законодательной власти и взяткодателей с организационной структурой общества. Коррупцированное поведение законодателей объясняется временной природой их политических мандатов. Поскольку они могут и не возобновиться при очередных выборах, поведение законодателей определяется предпочтениями избирателей. При этом желание законодателей обменять политическую поддержку на получение денежного вознаграждения создает условия для коррупции, а предпочтения избирателей, готовых давать взятки в сочетании с организационными расходами на процесс их дачи, определяют размер взятки, предлагаемой различными группами интересов.

Автор предлагает ряд политико-экономических моделей, в которых на основе экономического расчета анализируется стратегия политических деятелей, стремящихся максимизировать свою «политическую поддержку», т.е. число подаваемых за них голосов. Рациональность политика состоит в том, чтобы просчитать различные соотношения расходования своих коррупционных доходов на личные и политические цели (покупка голосов). При этом предполагается достаточно высокое качество политических сетей, что позволяет избежать выявления коррупции.

Подчеркивая, что возможности для коррупции существуют в любых политических системах и не зависят от степени ориентации избирателей в политических проблемах и полноты информации о законодательных действиях, С.Роуз-Аккерман строит модель коррупции, демонстрирующую тесную связь между «продажностью» законодателей, политической ситуацией и организационными способностями групп интересов. Она показывает, что существование информированных избирателей, а также полного набора групп интересов - недостаточное условие для эффективного функционирования выборных органов. Только сочетание этих двух факторов с политической системой, обеспечивающей острую конкуренцию в ходе выборной кампании, создает защиту против коррупционной деятельности.

Введя в свою модель такие факторы, как неинформированность и апатия избирателей, объединение законодателей в политические партии и организации, богатство и организационная способность различных групп интересов, автор в результате анализа приходит к следующим выводам. В условиях неинформированности избирателей в отношении политических проблем и законодателей в отношении предпочтений избирателей,

группы интересов могут не прибегать к взяткам, а осуществлять финансирование избирательной кампании с тем, чтобы получить законодательную поддержку своим интересам. Таким образом, при неинформированности избирателей законодательные органы могут быть менее коррумпированными, но при этом возрастает влияние групп специальных интересов. Последние для достижения своих целей могут также осуществлять «образовательные» программы как для избирателей, так и для законодателей. При апатичности избирателей информация может оказать лишь незначительное влияние на результаты избирательной кампании, поскольку политические деятели и избиратели заинтересованы лишь в распределении между собой средств, поступающих от групп интересов - единственной категории населения, заинтересованной в проводимой политике. Автор также показывает, что объединение законодателей в политические партии и организации создает новую систему влияния, а материальные и организационные возможности групп специальных интересов определяются особенностями организации рынка и географическим распределением членов групп интересов.

Лучшим способом борьбы с коррупцией, пишет автор, является информированность и целевая ориентация электората, а также наличие политической системы, постоянно создающей оппонентов, готовых выступить против взяточников.

Следует предположить, пишет С.Роуз-Аккерман, что стремление к наживе и повторному избранию не являются единственными стимулами поведения законодателей. Многие законодатели не берут взяток, а представители групп интересов не дают их не из-за боязни наказания (роста юридических или политических затрат), а в силу определенных моральных принципов. Следовательно, моральные принципы и вера в закон большинства ограничивают стремление к богатству так же эффективно, как и информированный и целеустремленный электорат. Однако, если общество заинтересовано в создании системы, где лишь небольшое количество вопросов решается с помощью взятки, тогда почти все законодатели не должны принимать никаких денежных платежей.

При исследовании административной коррупции С.Роуз-Аккерман концентрирует внимание на практике и мотивации коррумпированного поведения чиновников администрации, в основе которого лежит способ применения законов (замедление или ускорение их исполнения). При административной коррупции принуждения, которым подвергаются ее участники, полностью отличаются от

принуждений в случае политической коррупции. Поскольку профессиональная безопасность чиновников значительно выше безопасности политиков, тогда как способность прекратить расследование или преследование против них существенно ниже, при административной коррупции страх перед административными (потеря работы) и уголовными санкциями заменяет провал на выборах.

Для рассмотрения административного аспекта коррупции, автор вводит в модель, состоящую из трех членов (избирателей, законодателей и групп интересов), категорию бюрократии, влияющую на принятие законов и на распределение бюджетных средств через органы бюрократического аппарата. При этом влияние коррупции на принятие экономических программ не зависит от того, коррумпирована ли только высшая бюрократия, или взятки берут также и законодатели. Обе группы поддерживают программу, если она приносит им средства, которые в ином случае были бы получены другим лицом. Коррумпированные бюрократы и законодатели в поисках персональных или политических выгод обычно поддерживают программы, использующие сложные, специальные исходные продукты, которые нельзя приобрести на конкурентном рынке, что затрудняет оценку затрат на реализацию проектов. Однако в этом случае они вступают в противоречие с электоратом и иногда вынуждены проводить определенные “образовательные” кампании для разъяснения необходимости использования специального оборудования. Кроме того, обе группы государственного аппарата предпочитают капиталоемкие программы, поскольку предприниматели капиталоемких отраслей имеют дополнительный доход, вероятность использования которого на взятки выше, чем в трудоемких отраслях. Хотя между бюрократическим аппаратом и законодателями существуют разногласия, так как каждый хочет увеличить свою долю получаемых платежей, в основе их деятельности лежит сотрудничество, ведущее к принятию программ, удовлетворяющих обе стороны за счет населения.

Анализ взаимодействия бюрократически-законодательных органов с представителями групп интересов показывает, что за внешне демократическими формами отношений скрывается сложная и постоянно меняющаяся сеть межличностных и межорганизационных связей. Большую роль в определении поведения всех участников этих отношений играют их моральные качества.

Коррупция, связанная с руководством реализацией принятых программ, существует и на низшем бюрократическом уровне. Однако коррумпированные чиновники низшего звена не связаны с политическими процессами, на их деятельность не влияют результаты выборов. Их коррупционная деятельность ограничивается теми же факторами, что и деятельность любого лица, совершающего уголовное преступление, т.е. юридическими нормами и санкциями; бюрократической структурой; соотношением затрат и выгод от коррупционной деятельности; структурой рынка взяткодателей (конкурентный или монополизированный рынок). Коррупция на низком бюрократическом уровне может быть как мелкой, так и крупной.

Типичной ситуацией, создающей условия для мелкой коррупции, является «очередь», возникающая в результате постоянного роста спроса на услуги сферы общественного обслуживания, превышающего рост их предложения. Управление очередью может осуществляться легальным или нелегальным (с помощью взяток) путем.

Крупная коррупция возникает при распределении государственных контрактов между несколькими претендентами. В этом случае коррупционный доход представляет собой платежи, осуществляемые фирмой-претендентом, для стимулирования предоставления контракта. Прибыль чиновника равна размеру взятки за вычетом риска санкций и моральных издержек, т.е. издержек, связанных с нарушением норм. Прибыль фирмы определяется ростом чистой прибыли, полученной от исполнения контракта, за вычетом риска санкций и моральных издержек. Используя формальную модель, предложенную Дж.Беккером для анализа преступления, С.Роуз-Аккерман показывает, что бюрократы не могут установить дифференцированные цены для получателей государственного заказа, соответствующие условиям совершенной конкуренции, и продают приоритеты по единой цене, что приводит к снижению экономической эффективности бюрократического аппарата. Тем самым она опровергает точку зрения некоторых экономистов, утверждающих, что взятки повышают экономическую эффективность.

По мнению автора, экономическая эффективность определяется не легальными ценами, а институциональной средой, и выбор экономической программы не имеет прямой связи ни с ценами, ни с административными указаниями. Применение цены как инструмента распределения может быть эффективным лишь в сочетании с таким

институциональным изменением, как переход от единой очереди на получение государственной поддержки к системе очередей по приоритетам. В этих условиях взятка может оказаться эффективной, если ее эффективность не снижат юридические и уголовные санкции. Однако в условиях монополизации бюрократического рынка взятка не может способствовать повышению эффективности. На рынке с фиксированными ценами коррупция скорее всего не приведет в выбору наиболее эффективного производителя, так как моральные издержки и расходы на наказание симметричны производственным расходам. Фирма с высокими расходами и низким уровнем честности может “переиграть” более эффективного конкурента с более честным руководством. Основная проблема в этом случае состоит в отсутствии конкуренции на административном рынке (получателей взяток) и в недостатке информации о производственных расходах у бюрократов высокого ранга. Таким образом, монопольная прибыль поступает к чиновникам низкого уровня в результате вымогательства взяток.

В случае не фиксированных, а согласованных цен и неопределенности предпочтения бюрократов, коррупция может вызвать повышение бюджетных расходов. Это произойдет при большом колебании в размерах производственных расходов фирм, готовых давать взятки; при отсутствии большого различия в моральных издержках и расходах на наказание; при недостатке информации у честных чиновников в отношении производственных расходов конкурирующих фирм. Следовательно, коррупционная сделка с договорными ценами еще более снижает вероятность повышения эффективности, чем сделка с фиксированными ценами.

Дальнейшее усложнение модели заключается в замене принимающего решения бюрократа-монополиста административным рынком, каждый чиновник на котором имеет возможность принимать решения. Если совокупное предложение на административном рынке ниже спроса на получение льгот, то бюрократы получают свободу в выборе их получателя, что, равно как и конкуренция между соискателями государственных льгот, создает почву для коррупции. В то же время конкуренция между бюрократами снижает стимулы для коррупции. Взятничество может исчезнуть в результате снижения уровня взятки при эффективно функционирующей системе юридических и административных санкций. К тому же результату приводит отказ от

взяток нескольких чиновников в условиях полностью децентрализованной системы.

Однако в этой модели административного рынка деятельность бюрократического аппарата упрощена. Для приведения ее в большее соответствие с реальностью, автор вводит в модель затраты на вторичное обращение за государственными льготами и обязанность бюрократов определить список организаций, имеющих право на государственную поддержку. В этом случае коррупция также возможна, потому что, во-первых, бюрократы высокого уровня могут “не заметить” отсутствия организации, получающей льготу, в списке потенциальных льготников; во-вторых, необходимость повторного обращения к вышестоящим органам укрепляет позиции нижестоящего чиновника в переговорах с организацией, обратившейся за льготами.

Автор также усложняет модель и со стороны спроса на получение льгот, т.е. взяткодателей. Последние, желая увеличить свои доходы и уменьшить размер взятки, стремятся к сговору, т.е. созданию картеля, определяющего сроки предоставления льгот и их индивидуальные размеры и воздействующего на аутсайдеров и бюрократов с помощью запугивания и шантажа. Концентрация в отрасли дает возможность уменьшить размер взяток и увеличить выгоды, поступающие через государственный аппарат. Таким образом, коррупция способствует созданию олигополии, а последняя приводит к сокращению размеров взяток.

Дальнейшее усложнение модели идет по линии анализа поведения чиновников в различных организационных структурах бюрократического аппарата (фрагментированной, последовательной, иерархической и неорганизованной). В первых двух случаях чиновники действуют как независимые специализированные эксперты, их решения не пересматриваются вышестоящими лицами, поэтому такие организационные структуры не препятствуют развитию коррупции. В иерархической модели решения чиновников низших уровней пересматриваются вышестоящими бюрократами. Как правило, ограниченность времени и недостаток информации у последних не дают им возможности детально ознакомиться с принятыми решениями. При такой форме организации большое значение имеют моральные качества высших бюрократов. Если высший чиновник честен, то организации, законно обращающиеся за льготами, уменьшат или совсем прекратят платежи нижестоящим чиновникам, тогда как организации, не

включенные в список получателей льгот, увеличат взятки нижестоящим. При нечестном руководителе увеличиваются платежи нижестоящему чиновнику, который делится ими с вышестоящим, как от законных, так и от незаконных получателей льгот. Таким образом, высокий моральный уровень руководителей не решает проблемы взяточничества. Меняется лишь уровень получателей взяток и их источник (15, с. 174).

При неорганизованной форме четкие критерии и бюрократический уровень принятия решений не определены, поэтому стимулы для коррупции существуют как со стороны спроса, так и со стороны предложения. Однако следует иметь в виду, что «сама коррупция обладает способностью бороться с бюрократическим хаосом и создавать иерархические структуры» (15, с.185). Вышестоящие чиновники стремятся руководить нижестоящими так, чтобы получать свою долю взятки, в результате чего на месте хаоса возникает иерархическая структура.

Введение в модель 4-х указанных выше организационных структур дает возможность сделать следующий важный вывод: существуют институциональные меры, препятствующие получению бюрократами взяток от организаций, имеющих юридическое право на получение государственных льгот, а также предотвратить получение взяток от организаций, не имеющих такого права. Однако невозможно создать такую институциональную систему, при которой достигались бы обе эти цели (15, с.187).

Как правило, иерархическая система организации более эффективна, чем фрагментированная и последовательная. Однако в случае, когда взятка дается за очевидно незаконное действие, последовательная система может оказаться эффективнее иерархической. При последовательной системе законный претендент на льготы заплатит больше тому чиновнику, который обеспечит ему на последующем этапе доступ к честному чиновнику, тогда как не имеющий права на льготу взяткодатель заплатит больше за доступ на следующем этапе к нечестному. В иерархической системе, напротив, законный претендент на льготу даст нижестоящему чиновнику меньшую взятку при наличии честного руководителя. Следовательно, даже несовершенная конкуренция между чиновниками способствует сокращению размера взятки, но не ее упразднению.

Рассматривая дерегулирование как способ борьбы с коррупцией, автор отмечает, что скорее всего, оно приведет к замене государственного

коррупцированного чиновника коррупцированным чиновником в частном секторе. Даже возникновение в отрасли конкуренции в результате дерегулирования не приведет в целом к упразднению коррупции, поскольку конкуренция на одной стороне рынка не может упразднить стимулов к ее существованию. Фирма в условиях конкуренции может стать источником коррупции, давая взятки за продажу своих товаров или за покупку специфических исходных материалов для своего производства. Лишь в условиях полностью конкурентной экономики отсутствуют стимулы для коррупции. Однако при нарушении условий конкуренции, попытка восстановить эти условия приводит к росту корпоративных взяток (15, с.208).

С.Роуз-Аккерман отмечает, что для предотвращения коррупции должна применяться система адекватных наказаний: наказание для фирмы должно соотноситься с размером ее прибыли, а для бюрократов - с размером получаемой взятки. Но в отличие от Дж.Беккера, С.Роуз-Аккерман считает, что эффективность антикоррупционной политики определяется не только тяжестью санкций, но и структурой рынка фирм, организационными формами администрации, а также ясностью и точностью распоряжений правительств.

Несмотря на все разнообразие рассмотренных случаев, модели С.Роуз-Аккерман не объясняют, во-первых, большого разброса в уровнях коррупции в разных странах, в разных регионах в пределах одной страны и в разных отраслях в одном регионе данной страны; во-вторых, причин отказа большинства людей от осуществления действий, охватываемых понятием коррупционное поведение.

Первую попытку объяснить различие в уровнях коррупции в разных странах сделал С.Хантингтон (9). Опираясь на теорию экономического развития, он утверждал, что коррупция была минимальной на "традиционном" уровне развития и возрастала по мере модернизации, достигая кульминации при наиболее высоких темпах этого процесса. Затем происходит ее сокращение и стабилизация на низком уровне. Основной механизм этого процесса заключается в том, что в период модернизации уровень политической активности возрастает быстрее, чем политическая институционализация.

Различия в уровнях коррупции в разных странах объяснялись также с позиций институциональной теории, т.е. особенностями политических и экономических систем (одни экономические институты создают более благоприятные условия для коррупции, другие - менее) или

культур. Многие экономисты считают, что существованию коррупции способствуют централизованные экономическая и политическая системы, приводя в пример бывший СССР. Однако, по мнению Й.Андвига (Норвежский институт по международным проблемам, Осло) для такого утверждения нет достаточных доказательств. Кроме того, в бывшем СССР существовали большие различия в уровнях коррупции между республиками, обусловленные присущими им различиями культур (поведение, связанное с риском у грузин, традиция делать подарки в среднеазиатских республиках и т.д.) (1, с. 70).

Первое детализированное экономическое объяснение различной степени коррумпированности индивидов дал Ф.Луи (12). Он исходил из заданных расходов на контроль и предположения, что они растут с повышением уровня коррупции, в то время как возможности контроля за деятельностью коррумпированных чиновников сокращаются с увеличением их числа. Чиновники в модели Ф.Луи классифицируются по возрастному признаку (два поколения) и по степени честности (полные циники, берущие взятку в полном объеме; более честные, отказывающиеся от суммы, соответствующей моральным издержкам; совсем честные, полностью отказывающиеся от взятки). На уровень честности влияет боязнь ожидаемого наказания, которая ниже для чиновников старшего поколения, не избалованных во взяточничестве в первый период своей деятельности, чем для молодых. В результате значительная их часть оказывается коррумпированной. Таким образом уровень коррумпированности в организации, где преобладают чиновники старшего поколения, оказывается выше, чем при другой возрастной структуре. Но поскольку некоторые чиновники были избалованы на ранних стадиях своей деятельности, они впоследствии категорически отказываются от коррупционных действий. Поэтому взаимосвязь между поколениями усложняется.

Другим примером анализа разного уровня коррупции является модель "перехлестывающихся" поколений Р.Саха (16), в которой бюрократы действовали более, чем в двух периодах, а граждане, как более активные агенты, чем в модели Ф.Луи. Он получил те же результаты, что и Ф.Луи: в рамках одной экономической структуры существуют разные уровни коррупции, при этом старшие поколения бюрократов более склонны к коррупции, чем младшие. В соответствии с его моделью переход от высокого уровня коррупции к более низкому осуществляется медленнее, поэтому антикоррупционные меры для

достижения успеха должны проводиться более длительное время. Кроме того, эта модель допускает обсуждение возможных расхождений между предполагаемым уровнем коррупции и реальным.

И.Евстафьев (5) вводит в модель Ф.Луи иерархическую структуру бюрократов, берущих взятки, а также разделяет экономических агентов, предлагающих взятки на легальных и нелегальных (т.е. на имеющих и не имеющих права на государственные льготы). В модели О.Кадо задачей бюрократа низшего уровня является, с одной стороны, установление столь низкого уровня взятки, чтобы агент не обратился с жалобой на него к высшему бюрократу. С другой стороны, для сохранения места низший чиновник должен делиться взяткой с высшим, у которого нет опасения, что его действия будут раскрыты. При различных формах взаимоотношений между высшими и низшими чиновниками достигаются различные уровни равновесия коррупции, измеряемые размером «равновесной» взятки. Наиболее интересным моментом этой модели является демонстрация того, что высшие и низшие чиновники заинтересованы в создании сети отношений, которую со временем становится все труднее распутать.

В модели Й.Андвига и К.Мозна в качестве внешнего фактора рассматривается наказание в случае разоблачения взяточника. Поскольку ожидаемая величина стоимости наказания снижается с увеличением числа коррумпированных бюрократов, выгоднее оказывается быть разоблаченным коррумпированным, чем некоррумпированным высшим чиновником. Количество предлагающих взятку сокращается при увеличении размера взятки и уменьшении числа коррумпированных чиновников, поскольку увеличиваются расходы на поиск коррумпированного бюрократа.

Механизм этой модели предполагает, что незначительное ухудшение морального состояния общества увеличивает чистую стоимость любой взятки, поэтому многие чиновники преступают свой «порог честности». Ожидаемая стоимость наказания также снижается, что еще больше увеличивает число чиновников, готовых получать взятки. Расходы на поиски нужного коррумпированного бюрократа уменьшаются, а размер взятки возрастает, что опять увеличивает число коррумпированных бюрократов - пока не установится новое равновесие между величиной взятки и частотой совершения коррупционных действий.

Явление коррупции описывается и с помощью моделей, в которых существует несколько точек равновесия. Эти модели позволяют определить условия, при которых агенты, ведущие себя оппортунистически, не превращаются в коррупционеров. Они являются весьма обещающим инструментом для исследования коррупции, однако рассматривают коррупционное поведение вне связи с экономикой в целом и потому не дают возможности оценить влияние коррупции на уровень благосостояния.

Делались попытки объяснения различных уровней коррупции и с позиций нормативной теории (нормативного поведения). Согласно этой теории коррупция, означающая нарушение поведенческих норм, является результатом существования системы несовместимых норм, способ формирования которой был предложен У.Райzmanом (14). В обществе создаются системы мифов, содержащие слишком идеалистические нормы. Агенты, действующие в той или иной области, разрабатывают собственные операционные нормы, которыми они и руководствуются. Поскольку операционные нормы могут отклоняться от норм, заложенных в системе мифов, некоторые отклонения могут рассматриваться как коррупция. В современных обществах существует множество различных операционных норм поведения, что объясняет различия в уровнях коррупции в разных странах. Однако при трактовке коррупции как нормативного поведения возникают проблемы, связанные с определением степени отклонения операционных норм от норм системы мифов в различных отраслях экономики, а также предпочтений агентов при выборе той или иной системы норм, когда обе системы уместны. Пытаясь найти “экономический” ответ на эти вопросы, У.Райzman объясняет колебания в частоте актов коррупции тем, что ожидаемая от коррупционных сделок выгода зависит от числа участвующих в них индивидов.

На основе этой идеи построена диаграмма Шеллинга, из которой следует, что увеличение числа нарушителей закона снижает моральное ощущение вины и вероятность потери репутации в случае обнаружения акта получения взятки. Наряду с этим, снижается и вероятность обнаружения коррупционной сделки, так как ограничиваются возможности государственного расследования и обвинения. Увеличение числа коррумпированных чиновников снижает эффективность экономики, так как с увеличением числа актов коррупции увеличивается доход от нее, играющий роль своеобразного налога на частный сектор. В

результате производство в этом секторе сокращается, что, в конечном итоге, сказывается на эффективности экономики в целом. Кроме того, чрезмерный рост числа коррумпированных агентов приводит к снижению полезности коррупционной сделки для каждого из них, и уровень их благосостояния снижается.

Вопрос о влиянии коррупции на эффективность экономики обсуждается в течение нескольких десятилетий экономистами, исследующими проблемы экономического развития. Н.Лефф представил классический аргумент полезности коррупции для экономического развития. «Коррупция способствует ускорению работы административной машины, оптимальному распределению времени ожидания и, возможно, повышает норму сбережений» (11, с. 10). Г.Мюрдаль дал классическое обоснование противоположной точки зрения. «Коррупция стимулирует бюрократов к затягиванию решения, чтобы увеличить желание клиентов давать взятки. Она затрудняет децентрализацию, что еще больше затягивает процесс принятия решений, и в результате делает государственный аппарат «мягким» и не способным принимать решения» (1, с. 81).

Вывод Г.Мюрдаля подтверждают модели очередей, построенные С.Роуз-Аккерман. На основании этих моделей она приходит к следующим выводам: ценовая дискриминация между клиентами, готовыми ожидать различное время, осуществляемая через разные системы взяток, может быть осуществлена легальным путем; секретность, связанная с процессом дачи взяток, увеличивает информационные расходы, тогда как легализация дискриминации может повысить экономическую эффективность. Утверждая предпочтительность легального решения проблемы, С.Роуз-Аккерман не предлагает инструмента, с помощью которого бюрократ мог бы воздействовать на скорость очереди непосредственно, например, путем манипулирования сроком предоставления услуги. Такая модель, учитывающая сроки предоставления услуги, была разработана Ф.Луи (12). В его модели каждая взятка связана с вмененными издержками отдельного клиента. Однако эта модель, обладающая многими положительными качествами, вызывает сомнение с точки зрения ее бихейвиористских и информационных характеристик, поскольку предполагается, что и взяткодатель, и бюрократ являются честными в том смысле, что соблюдают условия сделки: ожидающие очереди агенты не делают нового предложения взятки после вступления на рынок нового агента, чиновник

никогда не обманывает, и ожидающие агенты ему верят. Так как положение в очереди закрыто для контроля, возникает информационная асимметрия, порождающая вопрос о том, продает ли чиновник тот приоритет, который обещал. Модель не приспособлена к решению таких вопросов. Поэтому неудивительно, что очереди за покупкой таких неконтролируемых продуктов, как ожидаемые приоритеты, практически крайне редки.

Идея использования модели очереди для оценки эффективности коррупции имеет смысл, однако ее применение столкнулось с большими трудностями, чем ожидалось. Проблема заключается в том, что, очередь с информационной точки зрения, является более сложным и многосторонним механизмом распределения, чем принято считать. Аналитическая сложность теории очередей и неоднозначные внешние эффекты затрудняют возможность получения окончательного результата с помощью этих моделей.

Результаты исследования эффективности взятки с помощью построенной П.Беком и М.Махером (2) по принципу аукциона модели конкурентного рынка «взятодателей», где каждый действует независимо, не зная о размерах взяток конкурентов, также свидетельствует о том, что получение взятки может привести к экономически неэффективным решениям, замедлению деятельности государственного аппарата и, возможно, снижению уровня общего благосостояния.

В работах, представляющих коррупцию как *незаконный контракт*, особое внимание уделяется организационным аспектам этого феномена. С точки зрения сторонников этого подхода, экономические системы представляют собой сочетание организаций и рынков. Существование организаций и их эффективность обусловлены интернализацией трансакционных издержек. Фирма представляет собой структурированную сеть коммуникаций и эффективных контрактов, снижающую моральный риск оппортунизма.

Эти же критерии можно применить и к “нелегальным сделкам” и “рынкам преступлений”, структурированных сетью коррупции. Нелегальные организации, также как и легальные, интернализуют трансакционные издержки, развивают системы внутренних и внешних контрактов для повышения их надежности. В рамках этой логики цель коррупции определяется как нарушение легального контракта организационным методом - заключением нелегального контракта (8, с. 156). Коррупционные группы или сети предлагают защиту при

нарушении контрактов, создают спрос и предложение коррупции при наименьших расходах, идентифицируют заинтересованных агентов и организуют управление необходимой информацией.

Для криминальных организаций, действующих на “нелегальных рынках” (контрабанда, наркотики, азартные игры, коррупция), коррупция, угроза и использование насилия являются средством снижения транзакционных издержек нелегальной деятельности, которая характеризуется такими особенностями как отсутствие контроля нейтральной инстанции, к помощи которой можно обратиться в случае нарушения контракта; возможность задержания товара или ареста участников контракта властями. Чтобы обеспечить свою стабильность и развитие, нелегальный рынок должен создать систему защиты с учетом этих особенностей. Комбинированное использование угрозы, насилия и коррупции (мафиозная коррупция) обеспечивает защиту от преследований со стороны полицейских и судебных органов, позволяет снизить неопределенность нелегальной сделки, связанную с асимметрией и неполнотой информации, либо с нерациональностью агентов. Нелегальный контракт должен соблюдаться узким кругом предпринимателей и чиновников, участвующих в нелегальных операциях (8, с.157).

В последние годы в противовес традиционным неолиберальным подходам к исследованию коррупции появляются альтернативные, строящиеся либо на изучении коррупционных ситуаций, включая меры по контролю и реорганизации административных структур, в конкретных исторических и географических условиях с использованием элементов неолиберальной теории, либо на радикальном отказе от ее принципов.

Так, Р.Клитгаард, используя модель "принципал - агент - клиент", анализирует возможности снижения коррупции на уровне организации, опираясь на пример Боливии 50-80-х годов. Его анализ строится на следующих положениях: любая организация представляет собой “систему информации, правил для принятия решений и стимулов, функционирование которой отличается от деятельности ее участников” (10, с.120); коррупция имеет разные уровни и степень распространения; она может быть ограничена, но не упразднена; большинство коррупционных сделок представляет собой преступление по расчету.

В качестве принципала выступает “унифицированная государственная структура”, а агента - государственный чиновник, действующий от ее имени. При принятии решения о коррупционной

сделке агент учитывает следующие обстоятельства: получаемую заработную плату; моральное удовлетворение от отказа от взятки или моральные издержки при принятии ее; размер взятки; вероятность раскрытия коррупционной сделки; размер наказания. Задачей принципала является установление равновесия между социальными выгодами от ограничения коррупционной деятельности агента с социальными расходами, связанными с этим ограничением.

Принципал пользуется для контроля за уровнем коррупции следующими инструментами: отбор и подготовка агентов; изменение стимулов для агентов и клиентов; сбор и обработка информации о поведении агентов и клиентов и о результатах этого поведения; перестройка отношений «агент - клиент» (например, ограничение монопольной власти агента; установление четких законов и процедур, ограничивающих их дискреционную власть; изменение процесса принятия решений и др.); увеличение моральных расходов, связанных с коррупцией (повышение этических норм и изменения в организационной культуре). Принципал должен определить, какого сокращения в уровне коррупции он может добиться в результате изменения политики, и соотнести величину выгоды от этого сокращения с расходами на его осуществление.

В первую очередь принципал (имеется в виду руководство организации) изучает свою организацию. Теория и практика свидетельствуют, что более подвержена коррупции организация, где выше дискреционная власть, позволяющая агенту самостоятельно принимать решения и осуществлять действия, слабо поддающиеся контролю. Во-вторых, принципал разрабатывает меры, с помощью которых можно влиять на коррумпированных агентов и предлагающих взятку клиентов. При этом целесообразно выбирать вид коррупционной деятельности, расходы на борьбу с которым относительно низки, а результаты проявляются в ближайшей перспективе. Затраты на антикоррупционные меры не должны превышать величины выгод от сокращения коррупции.

Одним из инструментов антикоррупционной политики внутри организации является создание системы информации о коррупции. Сбор такой информации - сложный процесс, включающий статистический анализ; выборочное обследование; общий контроль; создание климата, в котором агенты будут сообщать о коррупционных акциях; вовлечение населения в предоставление информации о получении взяток

чиновниками (создание «горячих линий»). Информацию можно собирать и через посредников (средства массовой информации, банки). Для сбора информации следует иметь специализированные штаты, включающие контролеров, службу внутренней безопасности и т.д. Целесообразно также создание новых служб: специальных исследовательских комитетов, антикоррупционных агентств.

Снижение уровня коррупции достигается также стимулированием антикоррупционного поведения агентов. Антикоррупционная кампания обычно начинается с «положительных» мер: определения целей, методов их достижения, усовершенствования системы стимулов антикоррупционного поведения. После этого можно приступить к «негативным» действиям - наказаниям. Выбор наказания (и коррупционеров, на которых оно распространяется) осуществляется с учетом так называемой «культуры коррупции», которая при систематических коррупционных сделках характеризуется широким распространением цинизма среди агентов и утратой ими здравого смысла. Для разрушения этой «культуры» необходимо применение сурового наказания к коррумпированным агентам самого высокого ранга. Таким образом, организация может снизить уровень коррупции путем изменения системы информации, правил для принятия решений и стимулов.

Другой представитель альтернативного направления Ж.Картье-Брессон, критически анализируя модель коррупции, предложенную С.Роуз-Аккерман, указывает, что нельзя строить теорию на предпосылке о суверенитете гражданина, свободно принимающего совершенно рациональные решения. Следует также отказаться от представлений об администрации, политических партиях, правительствах как о посредниках, имеющих мандат на реализацию свободных предпочтений граждан. Организации и партии руководствуются собственными целями. Большинство политических решений принимается без учета пожеланий граждан или данных опросов об их предпочтениях.

В реальной жизни нет ни принципала, ни агента, ни контролера, ни контролируемого; системы представительства-решения не являются ни прозрачными, ни рациональными, ни свободными. Хотя системы делегирования полномочий действительно открывают широкие возможности для коррупции, чистой системы делегирования не существует, так как администрации, а в еще большей мере политики действуют в соответствии с принципом относительной автономии, который позволяет осуществлять стратегические действия, далекие от

поиска консенсуса. Следовательно, поведение актеров на политической сцене определяют в первую очередь стратегические соображения, а не расчет затраты/выгоды (7, с. 605).

Кроме того, неолиберальная теория не учитывает значения систем доминирования-легитимизации и структурирующего воздействия кодексов, обычаев, вероисповедания и идеологий на процесс воспроизводства экономического общества. Наконец, принцип анализа степени и типа рациональности поведения, использовавшийся для построения стандартных моделей коррупции, уже не пользуется всеобщим признанием, а определения понятий “рынок” и “институты” ставятся под сомнение (8, с. 147-148).

Современная коррупция меняется под воздействием кризиса государства, эрозии моделей развития и гражданственности, деградации общественных ценностей. В социально-политическом плане это приводит к разочарованию в институтах парламентаризма и государства, в профессиональном - к нарушению норм профессионального поведения индивидов при исполнении своих полномочий. В этой связи Ж.Картье-Брессон высказывает ряд соображений, касающихся современной коррупции на высшем политическом, административном и частном уровне. По его мнению, не во всех случаях коррупция определяется движением цен; отсутствует постоянство в заключении внутренних и внешних “контрактов”, придающее им квазирыночную гибкость; поведение членов организаций, управляющих коррупцией, мотивируется многочисленными системами ценностей, которые “включают” такие отличные от утилитаристских (даже если в их мотивации присутствует эгоизм) стимулы, как религиозная ориентация, попустительство, верность, подчинение и т.д., которые часто требуются при совершении коррупционной сделки; ведущую роль в развитии коррупции играют многочисленные связи зависимости и взаимозависимости между экономическими агентами; последние включены в социальные структуры и не свободны в принятии решений; коррупционный обмен регулируется коллективными когнитивными положениями, нормами, традициями и обычаями. В этом смысле цена коррупционной сделки не зависит от состояния рынка и устанавливается как фиксированный процент от размеров совершаемых сделок, который служит базой для многочисленных операций. Следовательно, сокращение государственных расходов не влечет за собой, несмотря на усиление конкуренции между соискателями государственных контрактов, повышения этого процента. В

целом коррупция является выражением исторической двусмысленности отношений государства и рынка (8, с. 160).

Ж.Картье-Брессон считает, что анализ методов накопления богатства и его перераспределения, в большинстве случаев сопровождающих коррупцию, является основным для понимания ее структурирующих последствий. Хотя решение об участии в акте коррупции является личным выбором, обусловленным в определенной степени эгоистическими соображениями, при изучении феномена коррупции нельзя ограничиваться только этим уровнем. Необходимо объяснить отношения зависимости и взаимозависимости, возникающие в коррупционных сетях, которые на практике могут существовать, только имея гораздо более широкие цели, чем личное обогащение. Система их ценностей выходит далеко за рамки материальной сферы, включая в себя также стремление к политической и стратегической власти.

По мнению Ж.Картье-Брессона, коррупционные сети тайно структурируются на различных основах (семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных и т.д.), имеют множество целей (от нелегальной деятельности до финансирования политических партий) и характеризуются переплетением различных видов деятельности. Коррупционная сеть представляет собой образование, интегрирующее политическую, экономическую и социальную сферы и строится на принципах взаимопомощи и солидарности. Сети организуются, создавая собственные системы прав и обязательств, являющихся для ее членов приоритетными по отношению к другим системам (семья, фирма, государство) и личным утилитаристским интересам индивида. Коррупционные сети полностью перекраивают границу между частной и государственной сферами и параллельно играют роль нормализующей инстанции, альтернативной государству.

Они возникают тогда, когда государство или рынок не способны ответить на экономические и социальные требования тех, у кого возникают проблемы, независимо от того, идет ли речь о наемном работнике или предпринимателе. В глазах последних коррупционные сети представляются альтернативным способом создания богатства, его перераспределения и интеграции, а оправданием нарушения существующих правил служит несовершенство государства и рынков (8, с. 162).

В этой связи Ж.Картье-Брессон считает наиболее перспективными такие направления исследования коррупции, как анализ коррупционных сетей и межотраслевой сравнительный анализ коррупции, основанный на принципах мезоэкономики, что позволит понять динамику развития и воспроизводства коррупции в экономическом и социальном плане (8, с. 163).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andvig J. The economics of corruption : A survey// Studi economici.- Milano, 1991.- Vol.46, N 43.- P.57-94.
2. Beck P., Maher M. A comparison of bribery and bidding in thin markets// Economics letters.- Wash., 1986.- N 20.- P.1-5.
3. Becker G. Crime and punishment : An economic approach// J. of political economy.- Chicago, 1968.- Mar./Apr.- P.24-35.
4. Buchanan J. The political economy of the welfare state.- Stockholm: The Industrial Institute for economic and social research, 1988. - 31p.
5. Cadot O. Corruption as gamble // J. of public economics.- Amsterdam, 1987.- N 3. - P.223-244.
6. Cartier-Bresson J. Corruption, pouvoir discretionnaire et rents// Debat.- P., 1993. - N 77.- P.26-32.
7. Cartier-Bresson J. Eléments d'analyse pour une économie de la corruption//Rev. tiers-monde. - P., 1993. - N 131. - P. 581-609.
8. Démocratie et corruption en Europe / Sous la direction de Della Porta D., Mény Y. - P.: La Découverte, 1995. - 186 p. - ("Recherches" á La Découverte). - Bibliogr.: p. 173 - 183.
9. Huntington S. Political order in changing societies.- New Haven : Yale University press, 1968.- 107 p.
10. Klitgaard R. Adjusting to reality : Beyond "state versus market" in economic development.- San Francisco: ICS Press, 1991.- XIX, 303 p.
11. Leff N. Economic development through bureaucratic corruption// American behavioural scientist. - Beverly Hills, 1964.- N 2. - P.8-14.
13. Lui F. An equilibrium queuing model of bribery// J. of political economy.- Chicago, 1985.- Vol. 33, N 2. - P.760-781.
13. Myrdal G. Asian drama: An inquiry into the poverty of nations.- N.Y.: Pantheon, 1968.- Vol.2. - P.707-1530.
14. Reisman W. Folded lies.- N.Y.: The free press, 1979.- 123 p.
15. Rose-Ackerman S. Corruption : A study in political economy. - N.Y. : Acad. press, 1978.- XII, 258 p. - Bibliogr.: p.235-245.